

Рассказывает Валентина Левко

Имя народной артистки РСФСР, солистки Большого театра Союза ССР Валентины Левко широко известно. Высокое профессиональное мастерство, отточенная вокальная техника нашли яркое выражение в оперном репертуаре певицы. Часто исполняет она и произведения камерной музыки.

В дни гастролей Большого театра на Урале

— Валентина Николаевна, чему вы отдаете предпочтение в своем творчестве: оперной сцене или концертной деятельности?

— Трудный вопрос. Я люблю и то, и другое. Это в какой-то степени два очень разных жанра. Я бы сказала, камерный сольный концерт спеть гораздо труднее. К нему надо больше готовиться, потому что каждое произведение — это маленький шедевр: будь то Глинка, Римский-Корсаков, Чайковский. Каждый романс требует своего особого подхода, особого состояния души. Их нужно продумать, выносить в себе и потом только спеть для публики.

— Ваш концертный репертуар, как правило, строится из классики: Глинка, Даргомыжский, Гендель, Бах... Как вы относитесь к современной камерной музыке?

— Мне нравится петь произведения Прокофьева, Свиридова, Шостаковича, Кабалевского. Но иногда просто не хватает времени, чтобы подготовить концерт из сочинений современных композиторов — слишком много хорошей музыки. Хочется петь и русскую, и западную классику, и старинные итальянские арии, и современные произведения. Сейчас я работаю над очень интересным циклом «Песни трагической любви» молодого чехословацкого композитора Эбена. Эти вещи написаны для голоса и альта и исполняются в сопровождении только альта.

— Вероятно, не многие поклонники вашего таланта знают, что путь в искусство вы начинали как альтистка...

— В детстве я играла на скрипке, закончила музыкальное училище как альтистка, потом училась на струнном факультете института имени Гнесиных. Несколько лет работала в московских оркестрах. Но параллельно занималась пением. Видимо, желание петь оказа-

певица дала целый ряд сольных концертов. Один из них с успехом прошел в нашем городе, во Дворце культуры Уралвагонзавода. Здесь прозвучали романсы Глинки, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Чайковского, Варламова, Булахова, Массне, оперные арии, русские народные и итальянские песни. После концерта В. Н. Левко любезно согласилась дать интервью нашему корреспонденту.

лось сильнее, и я пришла в музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Здесь состоялся мой дебют уже как вокалистки. Меня приняли в оперную труппу театра в 1957 году, а в 1960-м пригласили в Большой театр. С тех пор я и пою. Правда, альт не оставляю. Многие произведения, которые начинаю разучивать заново, стараюсь обязательно поиграть на альте — мне это очень помогает.

— На сцене Большого театра вы дебютировали, кажется, в мужской партии Ратмира в опере «Руслан и Людмила». Здесь же вы спели Ваню в «Иване Сусанине», Леля в «Снегурочке»... И в вашем концертном репертуаре тоже очень много «мужских» романсов. Чем это объяснить?

— Прежде всего, видимо, го-

лосом. У меня контральтовое меццо в низком регистре. Для этих голосов писали и сейчас пишут такие партии, как Ратмир, Ваня, Кончаковна. Потому я не боюсь брать и романсы, которые, считают, должны петь только мужчины. Иногда я становлюсь в этом смысле первооткрывателем, когда начинаю петь «мужские» романсы, которые певицы до сих пор не исполняли. Мне кажется, важно, как выразить эту музыку, как ее прочувствовать и преподнести.

— Марфа из «Хованщины», Любаша из «Царской невесты», Кончаковна в «Князе Игоре», Элен Безухова в «Войне и мире» — это далеко не все партии, которые вам приходилось петь в опере. Какая из них была для вас самой значительной?

— Когда я пришла в театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, первое, что мне поручили, — партия Элен из прокофьевской оперы «Война и мир». И я шагнула на сцену как вокалистка именно в этой партии. Наверное, поэтому она мне так дорога. Обычно спрашивают: «Какая партия самая любимая?» Опять же мне трудно сказать. Когда идет работа над какой-то оперой, я настолько вживаюсь в музыку, что в данный момент именно она мне кажется самой дорогой и любимой. Или в концерте... Наличие большого репертуара подчас затрудняет выбор программы. Хочется включить в нее и произведения старинной камерной музыки, которые бы прозвучали на языке, скажем, Шуберта, Баха, Генделя, и итальянские арии, и русские песни.

— Большой театр славится постановками русских и зарубежных классических опер, в которых вы совершенствовались свою вокальную технику. Но на его сцене с успехом шли и идут новые оперные произведения советских композиторов Д. Кабалевского, Т. Хренникова, И. Дзержинского, С. Прокофьева, К. Молчанова, Р. Щедрина. Ваше отношение к современной опере?

— В одной из последних постановок театра — опере К. Молчанова «А зори здесь тихие...» я, к сожалению, не занята: там нет подходящей для меня партии. Очень оригинальной, новаторской по своему музыкальному языку оказалась новая опера — «Мертвые души» Р. Щедрина. В ней много интересных вокальных партий, образов-зарисовок. И со временем я думаю найти для себя одну из них.

— И последний вопрос, Валентина Николаевна: над чем вы сейчас работаете?

— В опере я готовлю партию Княгини в новой постановке «Русалки» и Азученну из «Трубадура». Идет восстановление оперы «Снегурочка», где я, естественно, собираюсь спеть Леля. Кроме того, к 60-летию Великого Октября готовлю концертную программу в двух отделениях из произведений Глинки и Прокофьева. Потом будут записи камерной музыки на пластинку и в фонд Всесоюзного радио. Планов очень много, и порой не хватает времени, чтобы все осуществить.

Интервью взяла
Ж. ЛИНСКАЯ.

На снимке: поет Валентина Левко.

Фото В. Михеенко.